

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, канцелярия, 2002-14-авг-с.2

Когда говорят о режиме баты-ки Лукашенко и о гонениях на бело-русскую интеллигенцию, обяза-тельно всплывает фамилия Быкова.

— Василь Владимирович — совесть нации, — так, пусть и несколько пафосно, представляют его в оппозиционном Минске.

— Никто его нигде не выгнал. Я сам его очень люблю, — убеждал не-давно широкую общественность в эфире НТВ президент Белоруссии, де-лая вид, будто не понимает, почему пи-сатель живет не на родине, которую ос-вободил от фашистов, а в Германии.

— К счастью, сейчас наступило та-кое время, когда каждый человек может жить там, где он хочет. Но здесь меня держит отнюдь не туристический инте-рес. Здесь я наконец-то могу спокойно ра-ботать, — первым делом признался Ва-силь Владимирович.

Мы встретились во Франкфурте-на-Майне, где он проживает в последнее вре-мя, в кафешке публичной библиотеки.

— Я уже очень давно разрабатываю во-енную тему, — говорит Василь Владимиро-вич. — Поэтому мне было очень важно уви-деть послевоенную Германию, познакомиться с нынешними немцами.

— В белорусской прессе часто про-скальзывает мысль, что, мол, Быков просто давно “исписался” и ничего нового сооб-щить миру не может. Поэтому и заигрался в политику, чтобы хотя бы в этом качестве его не забывали...

— К подобным высказываниям я давно при-вык. Грязью меня поливают уже много лет. И с ка-ждым разом кампании эти становятся все грубее и топорнее. Ничего, кроме мерзости и чувства брезгливости, они не вызывают... Бывшие и ны-нешние коммунисты — что в принципе одно и то же — в последние годы развернули против меня та-кую травлю в белорусской прессе, на ТВ и радио, что в конце концов я вынужден был искать тихое прибежище. Здесь я живу по приглашению магист-рата Франкфурта. Меня на год обеспечили жильем и стипендией. Так что чувствую я себя в Германии совсем неплохо — в отличие от родной Белорус-сии. А до этого год прожил в Берлине, еще раньше — 1,5 года в Финляндии.

ИЗ ДОСЬЕ “МК”. Несколько лет назад меж-дународный Пен-клуб организовал проект “Города — убежища для писателей”. Герма-ния, Италия, Франция, Испания, ряд сканди-навских стран пригласили к себе притесняе-мых писателей из бывших республик СССР и мусульманских государств.

Самыми притесняемыми признаны курд-ские писатели, почетное второе место зани-мают поэты и прозаики из Республики Бела-русь. Кроме Быкова за границей проживают еще Светлана Алексиевич (на севере Ита-лии) и Олесь Рязанов (в Ганновере).

— На самом деле я просто устал: те несколь-ко месяцев, что я прожил в Минске, чуть ли не еже-дневно появлялись огромные статьи, где меня в чем только не обвиняли. И слово “фашист” было еще не самое обидное.

— Во главе травли снова стоит Владимир Севрук — некогда заведомо ЦК КПСС, под-чьим чутким руководством в “Правде”, “Крас-ной звезде” и “Советской Белоруссии” в сере-дине 60-х разгромили вашу повесть “Мертвым не больно” за “одностроннее освещение вой-ны и очернительство народного подвига”...

— Этот человек из разряда непотопляемых, его еще называют идеологическим фениксом. Те-перь он в команде Лукашенко, советник прези-дента по литературе. И как это ни страшно говорить, белорусская литература кончает свое существова-ние. У союза писателей уже отобрали здание, а в ближайшее время закроют последние литерату-рные журналы. Во всяком случае, товарищ Севрук активно работает в этом направлении — он уже со-общил главным редакторам толстых журналов, что в ближайшее время они должны будут значитель-но урезать штаты. И это только начало. В таких ус-ловиях жить и работать просто невыносимо.

— Поэтому представители белорусской интеллигенции в последнее время так активно бегут на Запад?

— На самом деле выехать из Белоруссии очень сложно — у нас же существует так называе-мый штамп о свободном въезде, без которого нельзя покинуть пределы республики. Но эмигра-ция постоянно растет, люди бегут от режима Лука-шенко под любыми предлогами. И что самое пе-чальное — бежит молодежь: та, которая участвует в демонстрациях, та, которую вышвыривают потом из университета. Своей стране они не нужны. Они не могут свободно выражать свое мнение, им не-где работать. Уезжают в основном в Польшу и Че-хию, некоторые добираются до Германии.

— И наверняка первым делом пытаются связаться с вами. Хотя, если честно, найти вас здесь совсем непросто. Мне самой пришлось обзвонить чуть ли не пол-Германии, чтобы отыскать ваши координаты. В белорусском по-сольстве в Берлине и Бонне радостно сообщи-ли, что уже больше года ничего не знают о ва-шем существовании.

— Это ложь! Как только я приехал во Франк-фурт, связался с посольством и оставил им теле-фон и адрес. А что касается соотечественников, бегущих на Запад... Что я могу для них сделать? Я здесь всего лишь гость, частное лицо — не более того. С другой стороны, в последнее время в Евро-пе много пишут о печальном положении с правами человека в Белоруссии. Когда на днях прошло со-общение, что из Минска выгнали представителя ОБСЕ, я не удивился. Перед ним был вынужден уе-хать прежний представитель этой организации. Причина — и тогда, и сейчас — одна и та же: им не дают заниматься правозащитной деятельностью.

— В конце апреля заканчивается ваше пребывание в Германии. Не страшно возвра-щаться в Минск?

— “Скадроны смерти”, пропажи людей, не согласных с режимом. Вы это имеете в виду?

В немецких газетах его называют “по-следним профессиональным писате-лем реалистического толка Евро-пы”. Испанские литературоведы за-щищают на нем докторские диссер-тации. В библиотеке конгресса США за его книгами выстраивается очередь.

Василь Быков, самый читаемый белорус-ский автор во всем мире, вошедший в пле-яду лучших писателей, рассказавших правду о Великой Отечественной войне, вот уже несколько лет живет за границей, в добровольном изгнании. “Знак беды”, “Карьер”, “Дожить до рассвета”, “Пойти и не вернуться”, “Сотников”, “В ту-мане” — этими книгами зачи-тывалась вся страна, они изданы в 40 государствах и давно признаны бест-селлерами.

Сейчас их проходят в русских школах, но почти забыли в Бело-руссии.

Его книги невозможно купить на родине, по-тому что там их не печатают.

А сам ветеран вой-ны Василь Быков в свои 77 лет стал политическим бе-женцем.

Василь БЫКОВ:
“В Белоруссии
меня ждет
осиновый кол”

ИЗГОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

— Да, конечно.

— Выстрелить в затылок в подъезде собст-венного дома могут всегда. У нас уже не один раз так было. Оппозиция исчезает в неизвестном на-правлении, а прокуратура никак не может найти преступников.

— А разве их ищут? Судя по официальной хронике, никакой оппозиции в Белоруссии нет, все это выдумки буржуазной, в том числе и российской прессы и личных врагов Алек-сандра Григорьевича. Кстати, Василь Влади-мирович, объясните мне, пожалуйста, за что президент Лукашенко так вас не любит?

— Для меня самого это загадка. С Лукашен-ко я ни разу не встречался, но он с самого нача-ла своей политической карьеры объявил меня на-ционалистом, который хочет оторвать от России Смоленскую и Брянскую области, забрать у Поль-ши Белостокскую и присоединить их всех к Бело-руссии.

— Ну, если объединение России и Бело-руссии, о котором в последнее время столько говорят, все-таки произойдет, большая часть “вашего плана” — по словам Лукашенко, есте-ственно, — сработает автоматически.

— Мотивы этого объединения — абсолютная авантюра, я даже перестал этим интересоваться. Я убежден, что на самом деле Лукашенко объедине-ние не нужно. Ему нужна риторика, возможность кормить свой народ новыми сказками. Эти сказки гораздо выгоднее, чем вся белорусская промыш-ленность, вместе взятая. Без них республика оста-нется без газа, встанет машиностроение и т.д. Если честно, я не вижу выхода из той ямы, в которой мы оказались. Под сладкие речи президента идет планомерное уничтожение белорусского языка, культуры и литературы. Вот это меня пугает боль-ше всего, против этого я протестую. А в Минск я возвращаться не боюсь: захотят убить — и здесь достанут. Правда, и задерживаться надолго в Бе-лоруссии тоже не собираюсь — у меня уже есть не-сколько приглашений пожить в других странах.

— То есть вы категорически не верите в светлое будущее родной страны?

— Я очень хорошо знаю реальную ситуацию. Если раньше преследовали только инакомысля-щих, то теперь зызились и за всех остальных. Сей-час организована травля моего друга Геннадия Буравкина. Он поэт, при Машерове был предсе-дателем Белорусского ТВ, глубоко порядочный человек. Так вот, виноват он только тем, что не поддерживает режим и не хочет публично призна-ваться в любви к нынешней власти. Вам это ниче-го не напоминает?... На наших глазах появился, как его уже окрестили на Западе, неосоветский режим. А ему нужны новые герои. Вот “Витебский базар”, на который нищая страна тратит колос-сальные средства, — в духе нового времени. Это Лукашенко обожает.

— Василь Владимирович, ну что мы с вами все о политике и о политике. В конце концов,

президенты и диктаторы приходят и уходят, а хорошие книги остаются.

— Да кому они сейчас нужны — хорошие кни-ги? Вся правда о времени неприемлема, реали-стическая литература утратила свое значение — она никого не интересует. Ни издателей, ни крити-ков, ни читателей. Надоело писать... Не вижу смыс-ла! Придут новые писатели, которые напишут так, как нужно рынку. Я так писать не умею. И не хочу.

— Но ведь здесь, в Германии, насколько я знаю, вы работаете над своей автобиогра-фией?

— Я ее уже закончил. И знаете, с этой книгой произошла очень странная история. Когда я писал на компьютере, во Франкфурте, впервые за много лет, произошел какой-то сбой на электростанции, и весь город погрузился во тьму. Когда я снова включил компьютер, все файлы исчезли. Компью-терщики сколько ни бились, только руками разве-ли — полетел жесткий диск, восстановлению ниче-го не подлежит. К счастью, я успел распечатать книгу на принтере.

— Первой читательницей, как всегда, бы-ла ваша жена, Ирина Михайловна?

— Мы с ней даже поругались из-за нее, пару дней не разговаривали. Едва уладил скандал!

— Что же вы такого о себе написали?

— Ну как что? Правду... Правда, моя жена у-тверждает, что это самоговор. В наше время не принято было рассказывать о некоторых вещах, например, о проблеме аз алкоголя. А ведь было, было! И в юности, и когда на меня начались первые гонения. Прикладывался к бутылке, чего душой кричать. Особенно после мероприятий, на которых присутствовали мои оппоненты... Хотя до милиции дело ни разу не доходило, до психушки тоже. “Не-ужели я жена алкоголика?” — прочитав, возмути-лась моя жена. — Это же не так!

— Разве алкоголизмом сейчас кого-ни-будь удивить? После грязных истин Андрона Кончаловского и откровений Татьяны Егоровой об Андрее Миронове это признание для детей дошкольного возраста.

— Может быть, и так, но пришлось ради со-хранения мира и спокойствия в семье кое-что ужать. А вообще, скажу я вам, это ужасно сложное дело — писать мемуары. Уместить несколько деся-тилетий в одной книге!.. Она получилась очень ин-формативной, хотя излишний лаконизм, боюсь, ей все-таки мешает.

— Это правда, что Ирину Михайловну вы отбили у мужа?

— Тут сложно сказать, кто кого отбивал. Мы оба были люди семейные, вместе работали в Грод-но, в областной газете. Развелись, поженились, уже 25 лет вместе. Оба, кстати, всю жизнь беспар-тийные.

— А вот это раньше карьеры не способст-вовало.

— Да ну! Если товарищ Севрук, курировавший Главлит, в те годы что-то недосмотрел, то всех мо-

их партийных товарищей таскали на ЦК. А со мной не знали что делать — знакомое многим словосо-четание “принять меры” по отношению ко мне не срабатывало. “Был бы коммунистом, выгнали бы из партии”, — говорили мне уже в либеральные времена. А ведь как тогда ломали людям судьбы!..

— Вы имеете в виду известное в 60-е годы дело о “клеветнических измышлениях группы белорусских литераторов против подвига со-ветского народа в годы Великой Отечествен-ной войны”? Покушение на официальную идеологию, которая гласила, что “подвиг со-ветского народа бессмертен, трусости и пре-дательства на войне не было”, — во все време-на тяжкий грех.

— Я проходил по этому делу вместе с писа-телем Алексеем Карнюком, командовавшим в войну партизанским отрядом, и Борисом Клеи-ным, доцентом мединститута, преподававшим историю КПСС. Друзей моих исключили из партии, у Клеина отобрали кандидатский ди-плом. Против Карнюка КГБ выдвинул 7 пун-ктов обвинений, каждый из которых тянул на 15 лет. Его жена, услышав весь этот бред, в тяжелейшем состоянии попала в онкологию, детей выгнали с работы. А Клеин, кандидат исторических наук, еще долгие годы рабо-тал на овощном складе, таскал на своем горбу ящики с морковкой.

— Ваша жизнь круто изменилась по-сле прихода к власти Горбачева?

— “Знак беды”, который долго не хоте-ли печатать, в конце концов получил Ленин-скую премию. По повести “Сотников” режис-сер Лариса Шепитко сняла прекрасный фильм “Восхождение”. Горбачев — первый из руководства ЦК, кто отнесся ко мне хоро-шо. Мы много раз встречались, о многом разговаривали. Несмотря на все послепере-строечные обвинения в его адрес, он мне по-прежнему очень нравится — Михаил Сергее-вич демократичный, добрый и просто хороший человек. Да, у него не получилось то, что он за-думывал, но он был во многом ограничен. Вспомните его окружение — разве с такими людьми можно было что-то реформировать?

— По этой же причине вы, отслужив по-сле войны еще 10 лет, уволились из армии?

— Я убежден: самый большой бардак именно в армии, где очень высокие требования и очень низкие возможности для их выполнения. Армия в мирное время — это спектакль, требующий слиш-ком дорогих вливаний. После Саратовского обще-войскового училища я служил в Болгарии, потом 5 лет на Сахалине и Курилах. С Дальнего Востока пе-ревели под Бобруйск, где мы, офицеры, жили в ха-тах у колхозников. В общем, насмотрелся я на весь этот бардак и стал убежденным антимилитарис-том. Армия — не моя стихия, это самая настоя-щая кабала. Я не хотел служить, мечтал уволиться. Но в те годы это можно было сделать только через скандал. К счастью, когда я уже почти отчаялся, Хрущев заявил о сокращении армии на 500 тысяч человек. Комиссия признала меня негодным, и я уволился в чине майора — без отпускных и кварти-ры. Приехал к жене в Гродно с одним чемоданом, и мы еще два года ютились вместе с маленьким сыном в однокомнатной квартире, где кроме нас жили еще ее сестра с мужем. Потом долго снима-ли чужие углы...

— Но сейчас, если верить белорусским СМИ, у вас все в порядке?

— Мои повести печатались на 40 языках, причем очень активно на Западе, но гонорары за них получала “Союзкнига”. Мне же платили за книгу 60 чехов, на которые можно было отова-риться в “Березке”. Сейчас я знаю, что эти сред-ства шли на финансирование зарубежных отде-лов КГБ. Однажды по этому поводу случился кон-фуз. Пригласили в Париж на презентацию моей книги. Причем французы настаивали на моем приезде, возмущенные тем, что гонорар за нее придется выплатить какому-то дяде с погонами. И вот в конце концов я прилетаю, а работники изда-тельства виновато отводят глаза: “А гонорар вы не получите, нам все-таки пришлось их отдать”. Отстояли только карманные деньги”. А-та сумма, которую мне все-таки удалось скопить, лежала у меня на книжке и рухнула в один день.

— У вас никогда не возникало желания, перечитывая свои прежние произведения, что-нибудь изменить, улучшить?

— А я никогда ничего не перечитываю. У Льва Толстого в конце жизни спросили, как он от-носится к Анне Карениной. “А кто это?” — совер-шенно искренне удивился классик. “Ну как же, ваша героиня...” — и пересказали ему сюжет ро-мана. “Неужели я написал о такой ерунде?” — удивился Толстой. Это не кокетство и не небреж-ное отношение к собственному творчеству. Столько всего нужно успеть, что некогда огляды-ваться на то, что ты уже когда-то делал... Мое по-коление уходит. Умер мой друг Алесь Адамович, умер Виктор Астафьев, с которым мы переписы-вались до самого последнего дня. Они уходят, унося с собой историю, культуру, настоящую ли-тературу. Здесь, в Германии, я познакомился с уникальным человеком. Борису Владимировичу Киту 92 года. Он родился в Питере, жил в Запад-ной Белоруссии, был директором в трех гимнази-ях. Потом прошел через концлагеря, гестапо и в конце концов уехал в Америку. Там он работал вместе со знаменитым Вернером фон Брауном, участвовал в проекте “Аполло”, избрал жидкий водород для ракеты. Его знают ракетчики всего мира, он академик Международной академии ас-тронавтики и до сих пор преподает математику в эдснем университете. Фантастика! Мы беседо-вали с ним все лето и всю осень, и он во многом перевернул мои знания на многие вещи. Я очень хочу написать об этом человеке — если успею, конечно... Раньше Борис Владимирович приез-жал в Белоруссию как беженец, а теперь в Новог-рудках есть его музей. На гимназии, которую он строил, повесили медную доску.

— История все расставит по местам...

— На медную доску в Белоруссии я никогда не рассчитывал, а вот осиновый кол, думаю, мне там поставят с удовольствием.

Елизавета МАЕТНАЯ,
Франкфурт-на-Майне — Москва.